

УДК 82.09

ДРУГИЕ РУССКИЕ: МИФОТВОРЧЕСТВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАЦИИ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ

© Юлия Говорухина

OTHER RUSSIANS: MYTHMAKING IN THE PUBLICISM OF THE FOURTH WAVE OF EMIGRATION

Yulia Govorukhina

The emigration of the fourth wave creates a myth, consistently replacing associations unfavorable for its perception (“sausageous”, “with a return ticket”) with “an ideal legend”. This is proved by the publicism of the German journals “Literary European” and “Bridges”, which unite emigrants, holding an openly anti-Russian (anti-Putin) position. Myth-making begins with nominations. The word “Russian”, used by the emigrants, has two meanings: Russians as a part of the emigration and Ruso-Soviet people with the Soviet way of thinking. We find the otherness in the opposition “we as true Russians, others as Russians”, which has a myth-generating potential.

The article analyzes the process of constructing the myth “we are a part of the great Russian literature abroad”. Thus, while the paradigm of self-consciousness of the first-wave emigre writers was determined by the ontology of “exile”, the loss of the former spiritual integrity and authenticity, the fourth wave of self-identification processes is not based on their spiritual catastrophe, but on the perceived need to construct identity. The task of the emigrants is to integrate themselves into the desired context as consistently as possible, demonstrating continuity and similarities with the previous waves. The publicists reinterpret real facts, thus creating another, mythological reality, and removing the original one.

Keywords: fourth wave of emigration, myth, myth-making, Russian literature abroad.

Эмиграция четвертой волны создает миф, последовательно заменяя невыгодные для нее ассоциации («колбасная», «с обратным билетом») «идеальной легендой». Это доказывает публицистика германских журналов «Литературный европеец» и «Мосты», объединивших эмигрантов, занимающих открыто антироссийскую (антипутинскую) позицию. Мифотворчество начинается с номинации. Слово «русский» в употреблении эмигрантов имеет два значения: русские как часть эмиграции, русоветские люди с советским образом мысли. В номинации «мы – истинно русские, другие русские» мы обнаруживаем инаковость, которая обладает мифопорождающим потенциалом.

В статье анализируется процесс конструирования мифа «мы – часть великой литературы русского зарубежья», рассматриваются отличия четвертой волны эмиграции от предшествующих. Так, если парадигма самосознания писателей-эмигрантов первой волны обусловлена онтологией «изгнания», потерей былой духовной цельности и самобытности, то у четвертой волны самоидентификационные процессы происходят не на основе духовной катастрофы, а на осознаваемой необходимости конструировать идентичность. Задача эмигрантов – максимально непротиворечиво встроиться в желаемый контекст, демонстрируя преемственность и сходства с предыдущими волнами. Публицисты переосмысливают реальные факты, творя тем самым еще одну реальность, мифологическую, и удаляя исходную.

Ключевые слова: эмиграция четвертой волны, миф, мифотворчество, литература русского зарубежья.

Процесс мифотворчества как объект литературоведческого изучения предполагает обращение не только к художественным произведениям, персоналиям и сознательным авторским или порождающим читательским практикам сотворения «реальности», но и к целым группам писателей, объединениям. Деятельность последних может

стать условным «художественным материалом», который эстетизируется, дополняется вымышленными фактами, заменяется «идеальной легендой». Эмиграция четвертой волны творит свой миф, выстраивает свой «сюжет», который внедряется в сознание читателей и варьируется главным образом в публицистических текстах.

Материалом данного исследования послужила публицистика журналов «Литературный европеец» и «Мосты», издаваемых в Германии и объединивших эмигрантов, занимающих открыто антироссийскую (антипутинскую) позицию. Далее в статье под номинацией «четвертая волна эмиграции» будет иметься в виду только этот сегмент эмигрантской литературы.

Анализируемый нами миф и процесс его создания имеет, безусловно, идеологические основания. Кроме того, очевидна семиотическая природа механизмов мифотворчества. Это обусловило выбор методологической базы исследования. Ею стал деконструктивистский семиотический подход к мифу, который обоснован Р. Бартом в теоретической части «Мифологий» [Барт]. Р. Барт пишет о трех способах чтения мифа (циничный, демистифицирующий, динамический). Второй способ, предполагающий разоблачение интенции мифа и обнаружение деформации реальности, более всего подходит для нашего исследования: «Если я вглядываюсь в означающее как в нечто полное, четко отграничивая в нем смысл от формы, а стало быть и вижу деформацию первого под действием второй, то тем самым я расчленяю значение мифа и воспринимаю его как обман ...» [Там же].

Эмиграция четвертой волны остается сегодня малоизученным явлением. Литературоведение и литературная критика осваивают творчество Д. Рубиной, А. Крамера, М. Шишкина и других, редко обнаруживая тенденции и типологические связи внутри явления [Андреюшкина]. Попытки занять позицию «над» нередко рожают погрешности: обобщающие суждения противоречат конкретике литературной действительности, представленной идеологически разными явлениями эмигрантской жизни рубежа XX–XXI веков. Так, например, И. Н. Минеева пишет о стремлении эмигрантов четвертой волны «не противопоставить себя ино-миру, а вписаться в него, не отрываясь при этом от родной литературы», о несвойственности четвертой волне такого типа самоидентификации, как «мессия, последние Представители, Хранители и Продолжатели русской культуры» [Минеева]. Публицистика «Литературного европейца» и «Мостов» свидетельствует об обратном: родная литература воспринимается как чуждый, все еще соцреалистический литературный контекст, а понятия «мессия», «хранители», «продолжатели» становятся востребованными и играют ключевую роль в выстраивании самоидентичности. Исследуемый материал вступает в противоречие и с суждением Александра Гениса: «... необходимость духовного, этического, эстетического противостояния

эмигрантской литературы советской идеологии отпала» [Генис]. Это противостояние актуально в 1990–2000-е годы как никогда и является целеустановкой антироссийской части эмиграции четвертой волны.

Литературная эмиграция четвертой волны, неизученная, получившая неофициальное название «колбасной», обреченная на невыгодное сравнение с предыдущими волнами, драматично переживает самоидентификационные процессы. Из этой драмы вырастает миф. В данной статье мы не оцениваем его содержание, помня о том, что миф имеет ценностную природу и не подчиняется критерию истины, нам интересен процесс конструирования мифа.

Номинация

Обложка журнала «Литературный европеец» гласит: «журнал Союза русских писателей в Германии». Такая самопрезентация уже включает момент идентичности: мы – русские. Однако учредители не имеют в виду титульный этнос России. Публицисты журнала дистанцируются, нередко весьма резко, от бывших соотечественников: от русскости в поведении и в образе мысли. Так, Э. Бернгард, постоянный автор журналов, пишет:

...В окна моей квартиры нередко влетает мерзкая русская ругань. <...> Привет, дорогие земляки! Давайте побеседуем по душам, откровенно! Поведение ваше нередко скотское. Скотская матерная брань. И взгляды такие же... [Бернгард, 2007].

Отметим, что слово «соотечественники» оформляется часто в кавычках, и это тоже своего рода дистанцирование. Во многих мифах присутствуют образы «своих» и «чужих». Эмигрантский миф – не исключение.

Более точная презентация журнала должна была бы быть такой: «журнал Союза других русских писателей в Германии» или «журнал истинно русских писателей». Слово «русский» в употреблении эмигрантов имеет два значения в зависимости от контекста: есть русские как часть эмиграции, антироссийски настроенные, а есть русоветские люди, демонстрирующие советский образ мысли. Быть истинно русским не значит сопротивляться советскости на территории России, необходимо разорвать со страной, выбрать путь эмиграции. Об этом заявляет И. Шестков:

Если ты можешь в ней (в России – Ю. Г.) жить, если ты не задыхаешься от имперской вони, то ты автоматически – часть этой мясорубки! Будь ты хоть сто раз критиком или триумфальным несогласным – каждой минутой своего пребывания в этой стране ты

поддерживаешь Путина. Самим своим дыханием. Экзистенцией [Шестков].

Таким образом, уже в номинации «мы – истинно русские, другие русские» обнаруживается резкая демонстрация инаковости, которая обладает мифопорождающим потенциалом.

Однако до сих пор на слуху другая номинация: эмиграцию четвертой волны, пришедшую на 1990-е годы, называют «колбасной». Этот невыгодный номинативный шлейф, а также невыгодное сравнение с предыдущими волнами стимулируют создавать такой образ, который бы оправдал момент профанности обстоятельств отъезда и собственное существование, не отмеченное большими литературными взлетами.

Непротиворечивая мимикрия

В поиске «своего» авторитетного контекста эмиграция 1990-х выбирает литературу русского зарубежья. Вот почему номинация «русский» при всей нелюбви к русскости в поведении и образе мысли так важна для эмигрантов. Она становится важным условием создания и функционирования мифа. В своих интервью эмигранты четвертой волны нередко оспаривают корректность номинации «эмиграция», аргументируя это, главным образом, открытостью границ, мобильностью, однако в статьях последовательно используют ее. Это противоречие, на наш взгляд, также объясняется самоидентификационной интенцией эмигрантов, важностью номинативной близости к прежним волнам.

Литературная эмиграция как культурное явление со всем множеством текстов может быть представлена структурно как комплекс репрезентативных мотивов. В нее входят мотив ностальгии, вынужденного пересечения границы, вины, духовно-нравственного сопротивления покинутому или новому культурному пространству, одиночества, бездомности, смерти, неустроенности, обреченности и др. Данная парадигма в том числе обуславливает целостность и узнаваемость феномена литературной эмиграции. Эмиграция четвертой волны встраивает себя в контекст русской эмиграции в целом, демонстрируя преемственность и сходства с предыдущими волнами, и ориентируется на названные мотивы. Строится миф «мы – часть великой литературы русского зарубежья». В статье «Их имя...» В. Батшев, главный редактор «Литературного европейца», пишет:

Ну, а вся эта накипь – все эти донцовы, горлановы, денежкины, данилкины, веллеры, и имя им легион – пройдут. А останется литература Русского Зарубежья – Бунин, Зайцев, Мережковский, Цветаева,

Елагин, Галич, Бродский, мы с вами, и – имя нам легион [Батшев, 2008];

<...> мы – эмигранты и это звучит вызывающе гордо. ...Да, мы горды тем, что наша литература – иная, чем литература российская. Она настояна на других соках – на русской зарубежной литературе. На литературе Бунина, Зайцева, Ремизова, Мережковского, Набокова, Яновского, Елагина, Бродского... А основой российской литературы был и оставался социалистический реализм т-ща Горького и прочих товарищей [Батшев, 2010].

В этих высказываниях обнажается семиотическая природа конструируемого мифа, о которой пишет Р. Барт в «Мифологиях». Первичная система носит чисто языковой характер. Означающее вторичной системы образуется некоторым количеством языковых явлений: лексических (упоминание известных имен русской литературной эмиграции, антитеза, обобщение с «мы»), грамматических (контраст множественного числа (пренебрежительное «данилкины, веллеры») и единственного, подчеркивающего уникальность знаменитых имен), синтаксических (встраивание себя в цепочку однородных). Означаемым оказывается преемственность. Отсюда ясно вытекает значение мифа: мы преемственны по отношению к предшествующим волнам, а следовательно, столь же значимы, выполняем важную миссию и должны оцениваться вне профанных обстоятельств отъезда.

Очевидно, что отличий между четвертой волной и предшествующими больше, чем сходств. В осознании самого факта эмиграции у представителей четвертой волны нет трагедийности, а ностальгирующие называются предателями. Первая волна в 1920-е жила с установкой «когда мы в Россию вернемся...», нередко идеализировала темные стороны российской жизни. У четвертой волны такого образа родины нет. Миссия сохранения русскости, всечеловеческий масштаб русской идеи в рамках первой волны были панацеей от уничтожения чужой культурой – для четвертой волны эта миссия мало актуальна.

Ценностная разница становится очевидной при сравнении самоидентификационных суждений представителей разных волн. Г. П. Федотов в статье «Зачем мы здесь?» (1935) пишет, что эмиграция получила от нации наказ нести наследие культуры, стать голосом всех молчащих в России, «чтобы восстановить полифоническую целостность русского духа» [Федотов, с. 440]. Эмиграция четвертой волны – отнюдь не представитель молчащей России, она не мыслит для себя наказ от нации «руссоветских». Ф. А. Степун («Идея России и формы ее раскрытия», 1934 г.)

ставил перед эмиграцией задачу обдумывания «русской идеи». «Русскость», по его мнению, выражается в каждодневном труде на благо будущей России, в сохранении национальной духовности и самосознания в условиях иной культуры [Степун]. Труд на благо современной России – не в ценностной иерархии четвертой волны. Образ будущей России, как правило, апокалиптичен.

Ностальгия, один из главных мотивов русской зарубежной литературы прежде, в 1990–2000-е начинает противоречить антироссийскому / антипутинскому пафосу. Показательно в этом смысле заявление В. Батшева, который очерчивает круг «своих» и «чужих» авторов:

<...> о тех, кого мы еще не печатаем: авторов, ностальгирующих по прежней жизни, в чем бы эта ностальгия ни проявлялась – от классической тоски по оставленной родине до, выражаясь в стиле советского уголовного кодекса, «распространения заведомо ложных измышлений, восхваляющих советский государственный и общественный строй» (цит. по: [Ермошина]).

Итак, парадигма самосознания писателей-эмигрантов первой волны обусловлена онтологией «изгнания», потерей былой духовной цельности и самобытности. Этой высокой «ноты» у четвертой волны нет. Это связано с тем, что самоидентификационные процессы последней происходят не на основе духовной катастрофы, а на осознаваемой необходимости конструировать идентичность.

При всей разности, очевидно, осознаваемой, эмигрантами четвертой волны, им важно максимально непротиворечиво встроиться в желаемый контекст. Публицисты переозначивают реальные факты, творя тем самым еще одну реальность, мифологическую, и удаляя исходную. При привлечении необходимого контекста история, конкретика судеб обедняется, «испаряется» (Р. Барт). Актуальными оказываются только те составляющие образа русской эмиграции, которые в свое время были мифологизированы. Ими будет «питаться» новый миф.

Так, например, публицисты-эмигранты избегают говорить о добровольности факта переезда, более того, наделяют обстоятельства эмиграции значением вынужденности, замещая реальные факты семиотически вторичными в направлении к желаемому авторитетному контексту. Заметим, что эмигранты ставят экономические причины переезда на последнее место или игнорируют вообще, на первое же выдвигаются причины социально-политические. Более того, вариант «ос-

таться на Родине» мыслится как опасный (физической, духовной, творческой смертью).

Можно предположить, что четвертая волна копирует известный в истории эмиграции вариант «оправдания» отъезда сведением разнообразных его причин к осознанию роковых последствий сопротивления российской власти / жизни. И. Бунин описывал это явление так:

Причины отъезда на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному; к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину... [Бунин, с. 2].

Пример сближения экономической и политической причин видим в статье В. Батшева «О советской власти»:

Экономической эмиграции не бывает. И политической не бывает. Есть – эмиграция. Ибо не важно, почему ты уехал – убежал от родных погромщиков или от отсутствия колбасы в магазинах. Обе причины – политические, обе – экономические. А главное, что все мы уехали от советской власти. Как бы она последние годы ни называлась [Батшев, 2011].

Акт переезда в представлении эмигранта четвертой волны – это не только осознанный отказ от «русской» власти, но и осознанный выбор пути личного освобождения от «совка».

Эмиграцию четвертой волны называют эмиграцией «с обратным билетом», а открытость границ – ее специфическим признаком. Очевидно, современные эмигранты не ощущают непреодолимость границы: и в «Литературном европейце», и в «Мостах» периодически публикуются тексты-впечатления от кратковременных возвращений на бывшую родину; писатели имеют возможность публиковаться в России, присутствовать на конференциях и выставках. И тем не менее мотив непреодолимости границы в публицистике «Литературного европейца» один из самых частотных. Этот факт также объясняется влиянием конструируемого мифа, который ориентирован на желаемый контекст. Эмигранты переозначивают границу, представляя ее как мировоззренческую. В этом своем качестве она приобретает нужную семантику. Реальная граница открыта, но мировоззренчески, идеологически непреодолима: «они», оставшиеся в России, – носители советского образа мысли, «русские люди» (Э. Бернгард); они часть «мясорубки» (И. Шестков). Возвращение, физическое или мысленное, оценивается как предательство.

Подобно первой волне, четвертая заявляет о своей нравственно-духовной и этической миссии, продолжая традицию «мы в послании»: Б. Зайцев, размышляя над вкладом писателей-эмигрантов в культуру России, на первый план выдвигает этический «кодекс»: бескорыстие, скромность, стойкость, свободолюбие, чувство собственного достоинства, любовь к Родине, веру в Бога и собственную миссию [Зайцев]. И. Бунин утверждал:

<...> мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся <...> Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия... [Бунин, с. 2].

Эмиграция четвертой волны определяет свою миссию так: сохранить русский язык, «высокое достоинство культуры», вырывать читателя «из привычных догм соцреализма, прививать ему новый взгляд, новое мирозерцание, новую эстетику» [Батшев, 2010], транслировать идеал свободы [Бернгард, 2007], сохранить русскую культуру:

Русская культура все же существует. И не будет большой натяжкой заявить, что именно в эмиграции живет настоящая русская культура, не прокаженная миазмами маразма соцреалистского или постсоцреалистского. Кто является носителем подлинной русской культуры? Для меня ответ ясен: порвавший с метрополией эмигрант-интеллигент, реализующий на Западе свободу духа, свободу слова и свободу совести... Когда русская культура, агонизируя под ехидными взглядами «участливо» склонившихся над ней державных демагогов-«докторов», окончательно скончается в России, она сохранится на Западе. И тогда останется только одна русская культура – эмигрантская, запредельная, за пределами России [Бернгард. Писатели отвечают...].

Еще один момент сознательного сближения с традицией – демонизация советской / российской власти. И. Бунин в «Миссии русской эмиграции» создает образ Ленина, явившего миру нечто чудовищное, убившего несколько миллионов человек. Д. Мережковский в «Царстве Антихриста» описывает картину безграничного, абсолютного, нечеловеческого, дьявольского рабства, созданного по дьявольской совести большевиков:

Где конь этот ступит копытом, там трава не растет; где саранча эта съедет, там уже ни былинки, ни

колоса. Съели Россию – съедят и Европу. Весь мир съедят. Вот для чего идут с востока на запад красные полчища [Мережковский].

Эту линию демонизации продолжает четвертая волна. В публицистике «Литературного европейца» она представлена описанием ужасов пережитого на бывшей Родине, разоблачением «кремлевской камарильи», которая обрабатывает русскоязычную публику Западной Европы. Так, Э. Бернгард на вопрос о возможном давлении на русскую печать за рубежом отвечает: «...не только коммерция поглощает нынешнюю периодику, а и нечто покрупнее. Состоит это „покрупнее“ из шести букв: Кремль» [Бернгард. Каталожь], В. Батшев пишет о небывалой активизации «кремлевского и лубянского недремлющего ока по отношению к эмиграции, к ее интеллектуальной жизни. <...> Они не могут спокойно смотреть, как несколько миллионов человек живет не по их законам, а по законам Свободного Мира, освобождаясь от прежнего страха <...> Цель одна – прибрать эмиграцию к рукам, не ослабить контроль ни на шаг <...> Много лет разными путями Москва пыталась и пытается подчинить себе эмиграцию». Выбор свободы, сделанный эмигрантом, по мнению автора, опасен расплатой: «Советская власть до вас все равно доберется – она не может оставить в покое „соотечественников за рубежом“» [Батшев, 2011], Э. Бернгард уверен: «Кое-кто из „оппонентов“ <...> мечтает „набить“ мне „морду“, а то и чего похуже» [Бернгард, 2007].

Наблюдаемое нами явление мифотворчества поддерживается двунаправленными силами: с одной стороны, это осознанное самоконструирование по известной модели, с другой – сила авторитетного образа / традиции с ее мотивной парадигмой, задающей содержание и границы интерпретации.

Итак, четвертая волна активно и агрессивно означает и переозначивает реальные факты, чтобы вписаться в желаемый литературный контекст. Она конструирует не саму традицию (в терминологии Э. Хобсбаума [The Invention of Tradition]), но преемственность по отношению к ней. Явные противоречия, как видим, сглаживаются, но не исчезают полностью. Это предусмотрено мифом, ведь миф есть слово, в котором интенция гораздо важнее буквального смысла. Эта интенция, это сообщение звучит так: «Мы – продолжатели дела литературы русского зарубежья», «мы – другие русские, истинно русские». Этот идентификационный миф выполняет свою обычную функцию: организует мышление и деятельность членов антироссийской части эмигра-

ции. Мифологический образ транслируется, множится, становясь образцом, по которому строится мышление и поведение людей. Этот миф позволяет эмигрантам, выражаясь словами Р. Барта, «быть в согласии с миром – не с тем, каков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать».

Список литературы

Андреюшкина Т. Н. Ситуация границы в поэзии российских эмигрантов четвертой волны // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 5–12.

Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/379443-rolan-bart-mifologii.html> (дата обращения: 20.05.2019).

Батшев В. Да, это наша литература! // Литературный европеец. 2010. № 156. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=505&Itemid=38 (дата обращения: 20.05.2019).

Батшев В. Их имя... // Литературный европеец. 2008. № 120. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=249&Itemid=38 (дата обращения: 20.05.2019).

Батшев В. О советской власти // Литературный европеец. 2011. № 163. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=572&Itemid=38 (дата обращения: 20.05.2019).

Бернгард Э. КАТАЛОЖЬ // Мосты. 2006. № 10. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=122&Itemid=44 (дата обращения: 20.05.2019).

Бернгард Э. Писатели отвечают на вопрос журнала о возможном давлении на русскую печать за рубежом // Литературный европеец. 2006. № 105. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=147&Itemid=38 (дата обращения: 20.05.2019).

Бернгард Э. Родом из ненависти или необыкновенный фашизм // Мосты. 2007. № 15. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=44 (дата обращения: 20.05.2019).

Бунин И. Миссия русской эмиграции // Русская газета в Париже. 1924. 25 февр. № 8. С. 2.

Генис А. Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы // Континент. 1999. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html> (дата обращения: 20.05.2019).

Ермошина Г. Литературный Европеец: Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии // Знамя. 2004. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/9/erm27.html> (дата обращения: 20.05.2019).

Зайцев Б. Дела литературные // Возрождение. 1931. 31 декабря.

Мережковский Д. С. Царство Антихриста. Большевикизм, Европа и Россия // Д. С. Мережковский, 3. Н.

Гиппиус, Д. В. Философов, В. А. Злобин. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken, 1921. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1922_tzarstvo_antihrista.shtml (дата обращения: 20.05.2019).

Минева И. Н. Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.): учебное пособие. – Петрозаводск: изд-во КГПА, 2012. URL: <http://www.russianliter.ru/file.cgi?id=482> (дата обращения: 20.05.2019).

Стенун Ф. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. 1934. № 8.

Федотов Г. П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № LVIII. С. 433–444.

Шестков И. Только метафоры // Литературный европеец. 2011. № 165. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=590&Itemid=38. (дата обращения: 20.05.2019).

The Invention of Tradition, eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. Cambridge University Press, 2003. 320 p.

References

Andreiushkina, T. N. (2018). *Situatsiia granitsy v poe`zii rossiiskikh emigrantov chetvertoi volny* [Situation on the Border in the Poetry of Russian Migration of the Fourth Wave]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva*, No. 4, pp. 5–12. (In Russian)

Bart, R. (2008). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Akademicheskii Proekt. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/379443-rolan-bart-mifologii.html> (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Batshev, V. (2010). *Da, e`to nasha literatura!* [Yes, This Is Our Literature]. *Literaturnyi evropeets*, No. 156. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=505&Itemid=38 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Batshev, V. (2008). *Ih imya...* [Their Name...]. *Literaturnyi evropeets*, No. 120. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=249&Itemid=38 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Batshev, V. (2011). *O sovetskoi vlasti* [On Soviet Regime]. *Literaturnyi evropeets*, No. 163. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=572&Itemid=38 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Berngard, E. (2006). *KATALOZH`* [KATALOGH']. *Mosty`*, No. 10. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=122&Itemid=44 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Berngard, E. (2006). *Pisateli otvechaiut na vopros zhurnala o vozmozhnom davlenii na russkuiu pechat` za rubezhom otvechaet* [Writers Answer the Question of the Journal about the Possible Pressure on the Russian Press Abroad]. *Literaturnyi evropeets*, No. 105. URL: http://www.leonline.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=147&Itemid=38 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Berngard, E. (2007). *Rodom iz nenavisti ili neobyknovennyi fashizm* [A Native from Hated, or Unusual Fascism]. *Mosty*, No. 15. URL: <http://www.le>

online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=44 (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Bunin, I. (1924). *Missiia russkoi emigratsii* [The Mission of Russian Emigration]. *Russkaia gazeta v Parizhe*, No. 8, p. 2. (In Russian)

Ermoshina, G. (2004). *Literaturnyi Evropeets: Ezhemesiachnyi zhurnal Soiuza russkikh pisatelei v Germanii* [Literary European: Monthly Journal of the Union of Russian Writers in Germany]. *Znamia*, No. 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/9/erm27.html> (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Fedotov, G. P. (1935). *Zachem my zdes`?* [Why Are We Here?]. *Sovremennyaia zapiski*, No. LVIII. pp. 433 – 444. (In Russian)

Genis, A. (1999). *Novii Arkhipelag, ili Konets emigrantskoi literatury* [The New Archipelago, or the End of Emigrant Literature]. *Kontinent*, No. 102. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html> (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Hobsbawm E., Ranger, T. (2003). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, 320 p. (In English)

Merezhkovskii, D. S. (1921). *Tsarstvo Antikhrista. Bol'shevizm, Evropa i Rossiia* [The Kingdom of Antichrist. Bolshevism, Europe and Russia]. Merezhkovskii D. S., Gippius Z. N., Filosofov D. V., Zlobin V. A. *Tsarstvo Antikhrista*. Miunkhen, Drei Masken. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1922_tzarstvo_antikhrista.shtml (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Mineeva, I. N. (2012). *Literatura russkogo zarubezh`ia (XX – nachalo XXI v.): uchebnoe posobie* [Literature of the Russian Abroad (the 20th –Early 21st Centuries)]. Petrozavodsk, izd-vo KGPA. URL: <http://www.russianliter.ru/file.cgi?id=482> (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Stepun, F. (1934). *Ideia Rossii i formy ee raskrytiia* [The Idea of Russia and the Form of Its Disclosure]. *Novyi grad*, No. 8. (In Russian)

Shestkov, I. (2011). *Tol'ko metafoi`* [Only Metaphors]. *Literaturnyi evropeets*, No.165. URL: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task=view&id=590&Itemid=38. (accessed: 20.05.2019). (In Russian)

Zaitsev, B. (1931). *Dela literaturny`e* [Literary Affairs]. *Vozrozhdenie*, 31 dekabria. (In Russian)

The article was submitted on 25.05.2019

Поступила в редакцию 25.05.2019

Говорухина Юлия Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Сибирский федеральный университет,
660041, Россия, Красноярск,
пр. Свободный, 79.
Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская
академия» в г. Калининграде,
236036, Россия, Калининград,
пр. Советский, 86.
yuliya_govoruhina@list.ru

Govorukhina Yulia Anatolyevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Siberian Federal University,
79 Svobodny Pr.,
Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.
Military Educational and Scientific Center
“Naval Academy”, Kaliningrad branch,
86 Sovetsky Pr.,
Kaliningrad, 236036, Russian Federation.
yuliya_govoruhina@list.ru